

СУЩЕСТВЕННОЕ ИСПРАВЛЕНИЕ И РЕДАКТОРСКИЙ ПРОИЗВОЛ *

(К тексту статьи Пушкина «Разговор о критике»)

Готовя произведения писателей-классиков для переиздания, следует, конечно, устранять погрешности предшествующих изданий, если новое обследование источников текста дает для этого достаточное основание. Но в текстологической практике наблюдаются случаи, когда в традиционные тексты, наряду с необходимыми поправками и уточнениями, вносятся изменения, являющиеся следствием редакторских увлечений, — изменения, которые нельзя считать правомерными. Здесь мы рассмотрим один из примеров необоснованной переделки авторского текста, а именно переименованный текст статьи Пушкина «Разговор о критике», напечатанный во втором издании десятитомника Пушкина, выпущенном Издательством Академии наук СССР под редакцией Б. В. Томашевского¹.

Переделка названной статьи покажется читателю особенно непонятной, если он примет во внимание, что в иной (традиционной) редакции эта статья воспроизводилась не только в предшествующих изданиях вообще, но, в частности, и в изданиях, которые вышли под маркой того же издательства и в подготовке которых принимал участие тот же редактор. Вышедший из печати в 1949 г. том XI академического издания сочинений Пушкина, куда вошла интересующая нас статья, редактировался В. В. Гишнусом, Б. В. Томашевским и Б. М. Эйхенбаумом, а том VII первого издания десятитомника (М.—Л., 1949 и 1950), печатавшегося на основе большого академического издания, — Б. В. Томашевским. Недоумение читателя возрастет еще более, когда он узнает, что во всех случаях статья печаталась по черновому автографу, представляющему собой единственный источник ее текста. Этот автограф находился в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина (ЛБ) и ныне передан, вместе с другими рукописями, в Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР (ПД).

Что же послужило поводом для пересмотра текста статьи? Как мог последний слой пушкинского черновика породить мысль о двух различных редакциях?

Чтобы ответить на эти вопросы, укажем на три следующие особенности автографа:

1. Наброски незаконченной статьи имеют форму диалога между читателями А. и В., из которых первый, выражая мнение Пушкина, отводит должную роль критике, а второй отрицает ее значение. Наброски, датируемые в академическом издании январем (между 9 и 21) 1830 г., сделаны в двух тетрадах. По нумерации ПД это тетради 841 и 842 (по нумерации ЛБ соответственно 2382 и 2373). Реплики распределены между А. и В. только в начальной части диалога — в тетради 841, а продолжение диалога в тетради 842 дано без указаний о принадлежности отдельных мест текста тому или иному из собеседников.

2. В какой-то момент работы над статьей Пушкин добавил к тексту в тетради 841 фразу, которая нарушила связь между этим текстом и его продолжением в тетради 842.

3. Перед текстом в тетради 842, а также в его конце Пушкин поставил знак + в незамкнутом кружке.

Тот факт, что наброски статьи размещены в двух тетрадах, не помешал их объединению. Связь начала статьи, написанного на двух страницах в тетради 841, с продолжением ее, занимающим три страницы в тетради 842, не подлежит сомнению и никаких разногласий между редакторами разных изданий не вызывала. До второго издания десятитомника Пушкина, т. е. до 1957 г., не подвергалось критике и распределению реплик между А. и В. в конце последней страницы автографа, хотя оно и было ошибочным.

В 1957 г. Б. В. Томашевский, рассмотрев автограф статьи вновь, пришел к мысли, будто во всех предыдущих изданиях текст ее воспроизводился несправно. Исходя из особенностей автографа, отмеченных в пунктах 2 и 3, т. е. учтя, что вставка, нарушившая ход диалога, в рукописи не зачеркнута, и предположив, что знаком + в кружке² Пушкин обозначил перенос текста первой страницы автографа в тетради 842 в конец его третьей страницы, он решил придать статье иной вид.

* Публикуется в порядке обсуждения. (Примеч. редакции).

¹ А. С. Пушкин. Полное собр. соч. в десяти томах. М., 1958, т. VII, стр. 99—101.

² Этому знаку раньше ни сам Б. В. Томашевский, ни кто-либо из других редакторов, по-видимому, не придавали определенного значения.

Это решение, делавшее текст в конце статьи бессвязным, встретило возражение со стороны редакции издательства, а неожиданная смерть Б. В. Томашевского (24 августа 1957 г.) осложнила дело. Чтобы рассмотреть спорный текст, дирекция ИРЛИ выделила комиссию в составе Б. М. Эйхенбаума, Н. В. Измайлова и редактора издательства, а затем привлекла для участия в решении вопроса С. М. Бонди и Т. Г. Цявловскую. Названные лица к единому мнению не пришли, почему вопрос был вынесен институтом на Бюро Отделения литературы и языка.

Бюро Отделения литературы и языка предложило дирекции ИРЛИ разрешить вопрос о редакции текста статьи самостоятельно, в специальном примечании оговорив, что текст этот неокончательный, и изложив существо дела.

Институтом был принят текст статьи, предложенный С. М. Бонди и Т. Г. Цявловской, а в части, касающейся содержания специального примечания к тексту, рекомендация Бюро Отделения литературы и языка не была выполнена³.

Решение Института представляется нам неправильным. Поэтому мы считаем необходимым высказать по тексту статьи свои соображения.

Чтобы осветить предмет спора и изложить свое мнение о тексте статьи по возможности яснее, начнем с выдержки из нее в редакции первого издания десятичника, повторившей редакцию большого академического издания. Середина статьи (диалога) в этой редакции читается так:

«В. Вы упомянули о кн. Вяземском. Признайтесь, что из высшей литературы он один пускается в полемику⁴.

А. Тем хуже для литературы. Если бы все писатели, заслуживающие уважение и доверенность публики, взяли на себя труд управлять общим мнением, то вскоре критика сделалась бы не тем, чем она есть. Не любопытно ли было бы, например, читать мнение Гнедича о романтизме или Крылова об нынешней элегической поэзии? Не приятно ли было бы видеть Пушкина, разбирающего трагедию Хомякова? Эти господа в короткой связи между собою и, вероятно, друг другу передают взаимные замечания о новых произведениях. Зачем не сделать и нас участниками в их критических беседах⁵.

Вставка в автографе: «А. Позвольте... сперва скажите, что вы называете высшей литературой» (вслед за словами «один пускается в полемику»), судя по почерку и занимаемому ею месту, сделана Пушкиным не в тот же день, когда был написан предыдущий текст, а после того как оставшийся свободным низ страницы был заполнен набросками, относящимися к черновым строфам из «Путешествия Онегина», и рядом с этими набросками появился рисунок женской головы. Вставка эта не зачеркнута, но в общем контексте статьи она осталась изолированной: ответа на поставленный в ней вопрос в автографе нет.

В. В. Гиппиус, готовя статью для академического издания, вполне резонно отнес слова А.: «Позвольте... сперва скажите, что вы называете высшей литературой» в раздел «Варианты». Он поступил так (и редакция академического издания, в данном случае в лице Б. В. Томашевского и Б. М. Эйхенбаума, санкционировала это) на том основании, что приведенные слова заменены репликой того же А.: «Тем хуже для литературы. Если бы все писатели...» и т. д., т. е. словами, при помощи которых сам А., называя имена Гнедича, Крылова и Пушкина, разъясняет, что разумеется под понятием «высшая литература». А раз произведена эта замена, давша Пушкину возможность более лаконично, без излишних усложнений, продолжить диалог, то естественнее всего было прийти к заключению (это и сделал В. В. Гиппиус), что слова: «Позвольте... ..литературой» Пушкин не зачеркнул лишь по недосмотру⁶.

К такому же выводу, т. е. к мысли, что сам автор в черновике не вычеркнул приведенную фразу случайно, пришел и текстолог, который подготовил рассматриваемую статью для шеститомного собрания сочинений А. С. Пушкина в издании «Academia». В пятом томе этого издания, вышедшем в 1936 г. под редакцией М. А. Цявловского, при объединении отрывков незаконченного диалога указанная реплика А. с вопросом, обращенным к В., из основного текста исключена.

Оставив излишний вопрос А. в тексте статьи (излишний потому, что Пушкин, повторяем, заменил его большей репликой А., в которой, наряду с основной мыслью статьи, попутно разъясняется и понятие «высшая литература»), С. М. Бонди и Т. Г. Цявловская не внесли в нее ничего существенного, а лишь разъяли стройный и выразительный текст середины диалога. Вставка, разорвав связь между двумя важными репликами, повлекла за собой очевидную порчу статьи, нисколько не искупаемую произвольным введением в текст двух строк отточий.

Переходя к рассмотрению вопроса о перестановке текстов в диалоге, следует предварительно заметить, что толкование пушкинских значков в тетради 842

³ В примечании к статье (т. VII второго издания десятичника, стр. 673) об изменениях в ее тексте сказано глухо, т. е. «существо дела» не изложено.

⁴ Этим абзацем заканчивается, если не считать появившейся вслед за ним вставки и черновых набросков, вовсе не имеющих отношения к тексту рассматриваемой статьи, вторая страница автографа в тетради 841.

⁵ Этот абзац занимает целиком первую страницу автографа в тетради 842.

⁶ С подобными фактами текстологам, работающим над черновыми рукописями, приходится сталкиваться часто.

как сигнала к перестановке — толкование, говоря мягко, не единственно возможное.

Б. М. Эйхенбаум при обсуждении вопроса считал необходимым выяснить, в с е г д а ли поставленный Пушкиным знак означает в его рукописях перестановку, не употребляется ли этот знак в каком-нибудь другом значении. А редактор издательства, автор настоящей статьи, утверждал и продолжает утверждать, что этот знак (плюс в незамкнутом кружке) в данном случае, т. е. когда мы имеем дело с набросками диалога, написанными в двух тетрадах, и к тому же диалога оборванного, не имеющего конца, естественнее воспринимать: а) перед первой страницей в тетради 842 как указание на связь с предыдущим текстом, написанным в другой тетради; б) после третьей страницы как указание на то, что статья еще не закончена. Такое толкование пушкинских знаков подтверждается анализом текста статьи как в целом, так и в отдельных его частях. Другими словами: перестановке и, следовательно, обычному пониманию пушкинского знака как знака перестановки в данном случае препятствует самое содержание диалога, не говоря уже о том, что знак этот вовсе не определяет, какая именно часть текста должна быть перевесена в другое место.

Что получилось бы, если бы перестановка была сделана механически, как это было предложено покойным редактором издания Б. В. Томашевским? Текст в весьма существенной его части выглядел бы так:

«В Но сатира не критика — эпиграмма не опровержение. Я хлопочу о пользе словесности, не только о своем удовольствии».

А. Тем хуже для литературы. Если бы все писатели...» и т. д. (до конца абзаца, приведенного выше).

Получилась бы не «связь явная»⁷, которую искусственно пытался, вслед за Б. В. Томашевским, установить Н. В. Измайлов, а явная нелепость.

Неприемлемость получавшегося бессвязного текста была резко подчеркнута в письме редакции издательства, переданном вместе с расклейкой статьи и другими материалами обсуждения С. М. Бонди и Т. Г. Цявловской на консультацию. И это побудило консультантов тщательно проанализировать текст диалога. В результате они пришли к заключению, что во всех изданиях, как и в предложенном Б. В. Томашевским видоизмененном тексте, реплики между собеседниками в конце диалога распределены неверно.

По мнению С. М. Бонди и Т. Г. Цявловской, слова: «Пушкин и отвечает эпиграммами, чего вам более» — произносит не А., беспokoящийся о судьбе критики, а скептик В., с точки зрения которого никакой критики не нужно, раз есть остроумная эпиграмма. В устах А. слова «чего вам более» не имеют никакого смысла. Следующее за этими словами возражение: «Но сатира не критика — эпиграмма не опровержение. Я хлопочу о пользе словесности, не только о своем удовольствии», — не может принадлежать В., ибо он ни о чем не хлопочет и не верит в то, что с помощью критики можно принести «пользу словесности». Это, конечно, говорит А., который считает, что наряду с эпиграммами, доставляющими удовольствие читателям, нужна и серьезная критика, деловое опровержение.

Изложенные нами соображения С. М. Бонди и Т. Г. Цявловской в части, касающейся распределения реплик, безусловно доказательны. Здесь они как редакторы-текстологи стоят на твердой почве. Произведенный ими анализ текста убедителен, и предложенное исправление должно быть принято. А это значит, что печатавшийся во всех прежних изданиях текст статьи «Разговор о критике» в конце ее должен быть исправлен и читаться так⁸:

«В. Критика не имеет у нас никакой гласности, вероятно и писатели высшего круга не читают русских журналов и не знают, хвалят ли их или бранят».

А. Извините, Пушкин читает все №№ «Вестника Европы», где его ругают, что значит по его энергическому выражению — *подслушивать у дверей, что говорят об нем в прихожей*.

В. Куда как любопытно!

А. Любопытство, по крайней мере, очень понятное!

В. Пушкин и отвечает эпиграммами, чего вам более.

А. Но сатира не критика — эпиграмма не опровержение. Я хлопочу о пользе словесности, не только о своем удовольствии».

К сожалению, С. М. Бонди и Т. Г. Цявловская, не ограничившись только что указанным ценным исправлением, взяли на себя неблагодарную задачу отстоять, во что бы то ни стало, намеченную Б. В. Томашевским перестановку текстов во второй части статьи.

Предложив новую композицию статьи, С. М. Бонди и Т. Г. Цявловская исходили не из ее фактического материала, а из чисто субъективных предположений, вы-

⁷ Выражение Б. В. Томашевского на полях расклейки статьи, взятое из его ответа на наши карандашные пометки, пославшиеся ему в рабочем порядке, до официального письма редакции издательства, адресованного дирекции ИРЛИ и редактору.

⁸ Для большей наглядности приводим исправленный текст вместе с четырьмя предшествующими репликами.

двинув крайне выбку концепцию о наличии якобы двух редакций в едином пушкинском черновике.

«Если бы вторая редакция, — пишут С. М. Бонди и Т. Г. Цявловская в своем заключении, — была в рукописи только намечена Пушкиным, но завершена им, а с другой стороны, ее текст не слишком отличался бы от старого, не давал бы ничего существенно нового, то следовало бы в окончательном тексте сохранить первую, законченную, связную в отношении текста редакцию...».

Но именно так — по каждому из названных признаков — и обстоит дело в черновике Пушкина: вторая редакция, если о ней можно говорить, т. е. если пушкинский знак понимать как знак перестановки, «в рукописи только намечена», отнюдь «не завершена», и ее текст, в сущности, ничем не отличается от старого, не дает «ничего существенно нового».

В самом деле. Можно ли считать существенно новым для статьи единственное текстовое отличие «второй» редакции, т. е. вставку: «А. Позвольте... сперва скажите, что вы называете высшей литературой», если за этой вставкой дальше ничего не последовало, если она как бы повисла в воздухе? И можно ли считать не только намеченной, но и завершенной предполагаемую перестановку абзаца, если эта перестановка, вопреки мнению Б. В. Томашевского и Н. В. Измайлова, оказалась невозможной без вмешательства редакторов в авторский текст?».

На каждый из двух поставленных вопросов ответ может быть дан только отрицательный. А никаких других элементов, которые говорили бы о наличии «второй» редакции, в черновике Пушкина нет. Следовательно, вторая редакция не есть нечто реально существующее в рукописи, а представляет собой плод редакторского воображения.

Перенеся абзац «А. Тем хуже для литературы... критических беседах» — с его законного места в конец второго наброска, С. М. Бонди и Т. Г. Цявловская не только разорвали органическую связь между репликами В. и А. в середине диалога. Они пошли на совершенно недопустимую жертву, изъяв важную в общем контексте общепринятой редакции фразу «Тем хуже для литературы».

Зачем понадобилась им такая операция?

Только затем, чтобы переместить абзац.

А для чего перенесли они абзац в конец диалога?

По их мнению, для того, чтобы статья получилась более стройной.

Но, во-первых, представление редакторов о большей стройности весьма субъективно, поскольку в предложенной ими тексте за репликой А.: «Позвольте... сперва скажите, что вы называете высшей литературой» — отнюдь не стройно следует реплика В.: «Публика довольно равнодушна к успехам словесности — истинная критика для нее не занимательна...». Строен и четок диалог лишь при оставлении абзаца, занимающего первую страницу автографа в тетради 842, на месте, т. е. когда приведенные слова В. являются ответом на реплику А., заключающуюся фразой: «Зачем не сделать и нас участниками в их (имеются в виду писатели, достойные уважения и доверия со стороны публики. — А. К.) критических беседах».

Во-вторых, нельзя ни говорить о конце статьи, ни придумывать какое бы то ни было улучшение ее композиции, если статья не окончена.

Из сказанного становится ясным, что перемещение реплик в диалоге не может быть оправдано ничем. Оно представляет собой не что иное, как необоснованное вмешательство редакторов в авторский текст.

Исключая из текста статьи весомую фразу, С. М. Бонди и Т. Г. Цявловская заявляют, что Пушкин, если бы он переписал статью наобло, «уничтожил бы эту фразу, сохраняющую от первоначальной композиции (! — А. К.) статью».

Но это утверждение голословно. Оно ни в какой мере не снимает с редакторов вину за искажение пушкинского текста. Если бы Пушкин думал о другой композиции статьи и своим знаком действительно обозначил перенос абзаца, то он тут же сам вычеркнул бы фразу, которая явно исключала возможность такого переноса. Ведь ему было лучше, чем его редакторам, известно, что реплика: «Я хлопочу о пользе словесности, не только о своем удовольствии» — принадлежит не В., а А., и реагировать на нее словами того же А.: «Тем хуже для литературы» — было бы нелепо. Но Пушкин эту фразу оставил, а уважаемые пушкинсты выбросили ее, учинив тем самым жестокую расправу над пушкинским текстом.

На наш взгляд, редакторы в случае с рассматриваемой статьей игнорировали основные правила, которыми должен руководствоваться текстолог, готовя к печати текст по рукописному источнику. Исключить из окончательного текста, устанавливаемого по черновому, недоработанному автографу, начатое и незаконченное, если оно нарушает органическую связь между частями текста (в данном случае приведенную выше фразу: «Позвольте... ..литературой»), — прием, текстологически правомерный. Но вычеркнуть из текста важную по смыслу фразу, основываясь на беспочвенном предположении, что так поступил бы сам автор, если бы он переписал статью, значит допустить грубый редакторский произвол. Да и вообще нельзя, без достаточных к тому оснований, наперекор установившейся традиции, разрушать цельный автор-

⁹ Об этом вмешательстве см. ниже.

ский текст, делая сравнительно небольшой диалог бессвязным в его середине ради сомнительной цели — придать статье более «складную» композицию и «известную законченность»¹⁰.

Кстати: поставив перед собой эту цель и прибегнув для ее достижения к искусственному, хирургическому приему, С. М. Бонди и Т. Г. Цявловская, несомненно, игнорировали утверждение Б. В. Томашевского, который на полях расклейки написал: «Всякая попытка „связать“ искусственно замазывает действительную незаконченность статьи».

Все изложенное приводит нас к выводу, что дирекция ИРЛИ, приняв для второго издания десятитомника Пушкина текст статьи «Разговор о критике», предложенный С. М. Бонди и Т. Г. Цявловской, тем самым допустила ошибочное решение важного вопроса. Статью, по нашему мнению, следовало напечатать в основном так, как она печаталась в большом академическом издании и первом издании десятитомника, внося в конец ее две существенные поправки, необходимость которых С. М. Бонди и Т. Г. Цявловская мотивировали вполне убедительно.

А. И. Корчагин

¹⁰ Слова в кавычках — из заключения С. М. Бонди и Т. Г. Цявловской.